

Иван Курилла

Jade McGlynn. Memory Makers: The Politics of the Past in Putin's Russia. London: Bloomsbury Academic, 2023. xii, 234 pp. ISBN 9781350280762.

Иван Курилла, колледж Уэллсли, США. ik106@wellesley.edu.

Лингвистический поворот, произошедший в эпистемологии несколько десятилетий назад, привнес в изучение общественных процессов внимание к языку, которым говорят политики и которым говорят о политике. Любые политические действия нуждаются в объяснительных моделях, а также требуют соответствующего языка, способного объяснить эти действия не только принимающим решения лицам, но и более широкому кругу людей. Такой язык должен быть понятен и признаваем этим широким кругом. Другими словами, легитимация политических решений требует их объяснения, вписывания в более широкое представление об устройстве политики и общества. Без такой концептуальной рамки политики не бывает. Это означает, что для радикального поворота государственного курса деятелям режима нужна смена языка говорения о политике.

Книга Джейд Макглинн посвящена именно этой теме, актуальность которой в России быстро и неуклонно росла на протяжении всего периода президентства Владимира Путина, но особенно – в течение последнего десятилетия. Обсуждаемая работа вносит вклад в продолжающиеся споры историков и политологов о том, является ли взлет исторической политики в России пропагандой или идеологией, возрождением советского или имперского мифа, а также в ответ на главный вопрос – зачем режим перешел к разговору о прошлом (см., например: Sherlock 2011; Nelson 2019; Soroka and Krawatzek 2021; Weiss-Wendt and Adler 2021; Weiss-Wendt 2022). Конечно (и автор постоянно огоривает это) после февраля 2022 года режим просто смел со стола все, мешавшее ему проводить прямолинейную пропаганду, но описанное в монографии показывает, как формировался этот «замах».

Язык собственно политической науки и политического описания мира относительно глобализован; это свойство социальных наук, ищущих в разных странах общее. В отличие от последних, история – наука, находящая частное, подчеркивающая отличия и уникальность. Именно поэтому ее язык как нельзя лучше подошел для формулирования курса на разрыв с миром, на отказ от доминирующих представлений о его устройстве. Для этого пришлось смешать современную политику с устоявшейся мифологией героического и жертвенного прошлого, описать войну в Украине (уже в 2014 году) как Великую Отечественную, санкции – как новое издание западных попыток ослабить Россию в 1990-е годы и разрушить ее, как разрушили СССР, а интервенцию в Сирию – в геополитических терминах, как восстановление Ялтинского миропорядка.

Книга состоит из семи глав, посвященных растущему значению истории в российской политике; способам, с помощью которых Кремль управляет прошлым; историческому фреймингу текущей политики – войны с Украиной, санкций, интервенции в Сирию; составным частям российской исторической политики и ее государственным и околосударственным институтам, от Министерства культуры и Российского военно-исторического общества до структур перехвата «Бессмертного полка»; борьбе за

«культурное сознание» и, наконец, будущему российской истории и самого культурного сознания россиян.

Макглинн делится весьма меткими и глубокими наблюдениями за российской исторической политикой. Так, она пишет, что «возвращение истории» при Путине во все «не было равно восстановлению старой истории. Вместо этого оно восстанавливало старое отношение к истории, уничтожая критические подходы» к ней, развивавшиеся со времен перестройки (с. 10). Автор обращает внимание на то, что исторической политикой всерьез увлекся целый ряд высокопоставленных деятелей режима. Помимо Путина и Мединского, тексты которых чаще всего цитируются исследователями, со статьями и выступлениями о прошлом выступала целая группа высокопоставленных самоназначенных историков, включая главу Службы внешней разведки и председателя Российского исторического общества Сергея Нарышкина, министра иностранных дел Сергея Лаврова, секретаря Совета безопасности Николая Патрушева, министра обороны Сергея Шойгу и председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина.

Интересно замечание Макглинн, что в русскоязычной версии «Википедии» статья о Второй мировой войне не содержит упоминаний о Катыни и Холокосте, а изложение пакта Молотова – Риббентропа представлено «однобоко», в результате чего ученикам трудно найти информацию, альтернативную школьному учебнику (с. 36). На самом деле русскоязычная «Википедия» содержит отдельные статьи и о пакте Молотова – Риббентропа, и о Холокосте, и о Катынском расстреле, и вообще достаточно независима от российской пропаганды. Тем не менее подмеченная автором особенность отражает отличие в самом определении войны, бытующем в России, от принятого в англоговорящих странах: обсуждаемая статья в «Википедии» трактует Вторую мировую войну именно как серию военных конфликтов и боевых действий на разных фронтах, вынося вопросы Холокоста, Катынь, политическую составляющую мировой политики этого времени в другие статьи электронной энциклопедии. Это в самом деле любопытное наблюдение, хотя вряд ли оно указывает на наличие пропаганды.

Важным для автора концептом является «культурное сознание» (*cultural consciousness*), которое она рассматривает по аналогии с «классовым сознанием» в марксизме и даже видит между ними связь в идейном мире постсоветской российской элиты. Это понятие требуется Макглинн, чтобы показать, что «правильная» трактовка истории нужна режиму не только для обоснования каких-то конкретных действий, но и для сплочения россиян в единую нацию (те, кто не согласен с официальными представлениями об истории, – не патриоты, пишет она (с. 22, 23)). Я бы использовал для описания той же проблемы более укоренившееся в социальном конструктивизме понятие идентичности, но автор разводит их, описывая культурное сознание как «квинтэссенцию национальной идентичности, локализованной в мнимой “исторической правде”» (с. 192).

Некоторые наблюдения Макглинн хочется уточнить. Так, когда она пишет, что Великая Отечественная война – одна из немногих тем, по поводу которой почти все россияне придерживаются близких позиций (с. 19–20), важно добавить, что она объединяет не только россиян, но и многих жителей бывшего Советского Союза, особенно белорусов, а до 2022 года и многих украинцев. Эта общность памяти пересекала границы современных государств и, вероятно, могла бы предложить дополнительное изменение к анализу «внешней исторической политики» современной России.

Также Макглинн пишет о Комиссии по борьбе с фальсификацией истории, созданной президентом Дмитрием Медведевым в 2009 году, как о первом результате воплощения «навязчивой идеи» об «исторической правде» (с. 104). С одной стороны, это так, но с другой – создание комиссии приостановило активность депутатов Государственной думы и видных политиков, призывавших принять закон, охраняющий историческую память. Комиссия оказалась безвредной, а принятие первого мемориального закона было отложено до 2014 года. Кроме того, Дмитрий Ливанов был предшественником Ольги Васильевой на посту министра образования, а не наоборот (с. 35).

Перечисляя элементы навязываемого государством исторического канона, автор подытоживает, что все они призваны поддержать нарратив о «доброй России/СССР, которую постоянно обманывают, эксплуатируют и недооценивают» (с. 106). Это так, однако я бы не стал приравнивать фальсификации к преувеличениям. В списке Макглинн есть и то, и другое, и не все источники этих текстов – рупоры кремлевской пропаганды. Описанный же исторический канон, конечно, распространен во многих странах мира и не является уникально российским. Наконец, автор пишет об «отбеливании [whitewash] российской истории» (с. 106), что, между тем, характерно для националистических версий истории в большинстве стран, включая Соединенные Штаты¹.

Впрочем, Макглинн понимает эту проблему: в последней главе монографии фокус исследования расширяется, и она анализирует использование истории в Югославских войнах 1990-х годов, упоминает Брекзит, а также споры о прошлом в США. Оказывается, что Кремль – крайний вариант, но не исключение в глобальном популистском тренде в области памяти, культурной и символической политики. Это важная глава, позволяющая автору не попасть в ловушку описания путинского нарратива уникальности России через приписывание ее проблемам другого рода уникальности. Российский опыт манипуляции прошлым – радикальный вариант распространенного в мире феномена, и потому его изучение важно для всего мира. По этой же причине рецепты выхода из исторического морока могут быть найдены не только в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Nelson, Todd H. 2019. *Bringing Stalin Back In: Memory Politics and the Creation of a Useable Past in Putin's Russia*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Sherlock, Thomas. 2011. "Confronting the Stalinist Past: The Politics of Memory in Russia." *The Washington Quarterly* 34(2):93–109. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2011.562115>.
- Soroka, George, and Félix Krawatzek. 2021. "When the Past Is Not Another Country: The Battlefields of History in Russia." *Problems of Post-Communism* 68(5):353–367. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1966989>.
- Weiss-Wendt, Anton. 2022. *Putin's Russia and the Falsification of History: Reasserting Control over the Past*. London: Bloomsbury Academic.
- Weiss-Wendt, Anton, and Nanci Adler, eds. 2021. *The Future of the Soviet Past: The Politics of History in Putin's Russia*. Bloomington: Indiana University Press.

¹ Здесь стоит вспомнить спор о выставке «Энола Гэй» (1995) в Национальном музее авиации и космонавтики, когда патриотические организации добились увольнения директора музея и сорвали саму выставку, содержание которой заставляло усомниться в правоте США при использовании атомного оружия в 1945 году.